

УДК 35.08

С. Б. Лугвин

СОВЕТСКАЯ БЮРОКРАТИЯ КАК ПОРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Во введении указан объект исследования – процессы формирования и развития советской бюрократии. Цель работы – анализ институционального генезиса советской бюрократии в аспекте выявления ее патримониальных качеств. В отечественной литературе данная проблема еще не получила удовлетворительного решения. В основной части статьи отмечено, что процессы формирования советской бюрократии осуществлялись в контексте социальной инженерии, в основе которой лежали механистический стиль мышления и технократическая парадигма. Радикальные преобразования общества, предпринятые большевиками, сопровождалась установлением диктатуры власти, огосударствлением общества, утверждением единства власти и собственности. Это породило синкретизм государственной власти, отказ от принципов либеральной демократии, упразднение принципа независимости суда, установление военизированного характера государственной службы, преобладание командно-приказных методов управления и пр. Первоначально большевики, опираясь на марксистские утопические представления, отвергали бюрократию. Так, например, В. И. Ленин считал, что советы могут привлечь к управлению государством широкие трудящиеся массы. Однако в дальнейшем он был вынужден признать, что решение реальных задач по радикальному преобразованию общественной жизни невозможно без бюрократии. Это заставило их встать на путь воссоздания традиционных бюрократических структур. В послесталинский период развитие советской бюрократии характеризовалось быстрым ростом ее численности, кадровым застоём, консервированием отживших структур и нарастанием «теневой» экономики. В заключении сделан вывод, что советская бюрократия, будучи патримониальной по своей сути, не смогла дать адекватный ответ на новые вызовы времени и осуществить постиндустриальную модернизацию экономики. Данная статья рекомендована для работников государственного аппарата, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ключевые слова: единство и неделимость государственной власти, номенклатурный принцип управления, патримониальный характер советской бюрократии.

Актуальность исследуемой темы во многом определяется решением проблем модернизации административно-государственного аппарата ряда постсоветских стран, который еще сохраняет некоторые черты и свойства советской бюрократии. В этой связи немалое значение имеет критическое переосмысление опыта прошлого, его прочтение с учетом современных реальностей, что позволяет не только не допускать прежних ошибок, но и более эффективно решать новые задачи. Целью исследования является анализ становления и утверждения советской государственной бюрократии в контексте эволюции политического управления советского общества. В отечественной литературе данная проблема еще не получила удовлетворительного решения. В разные периоды времени к ней в той или иной степени обращались как российские (О. И. Шкараган, М. Восленский, Е. Рашковский, В. М. Манохин, Г. В. Атаманчук, В. П. Мельников, В. С. Нечипоренко, И. В. Павлова, В. Найшуль, О. В. Оболонский и др.), так и отдельные зарубежные ученые (М. Вебер, Н. Верг, Р. Альберг, Б. Майснер, Г. Мейер и др.).

В качестве теоретико-методологической основы в статье будет использоваться концепт «идейно-символического пространства», предложенный В. Н. Ватылем. Его суть в том, что всякое исследование должно базироваться не только на вербально оформленных идеях (понятия, концепции и пр.), но и на невербальных способах общения, выраженных в форме чувственно-эмоциональных образов [1, с. 9]. Представляется, что данный подход достаточно продуктивен. Объектом анализа в статье является государственная бюрократия. Она рассматривается

Лугвин Сергей Борисович, канд. филос. наук, доц., доц. каф. социально-гуманитарных и правовых дисциплин ГГТУ им. П. О. Сухого (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Октября, 48, 246029, г. Гомель, Беларусь; e-mail: lugvinsergey@rambler.ru

как иерархически организованная система государственного управления, должностные лица которой назначаются и смещаются вышестоящей властью, выполняют свои обязанности на профессиональной основе и имеют возможность карьерного роста. Предметом анализа является выявление патримониальных свойств советской бюрократии.

С приходом к власти большевиков в России была предпринята попытка широкомасштабной социальной инженерии, нацеленной на реализацию утопического проекта совершенного общества. Данный проект предусматривал радикальное переустройство всей общественной жизни на коммунистических началах, национализацию экономики, установление механизмов сознательного управления и тотального контроля. В основе большевистского проекта модернизации лежали механицистская парадигма и технократический стиль мышления. В представлении большевиков будущее общество – это огромная фабрика, использующая передовые технические достижения, прогрессивную технологию и организацию труда. Так, для В. И. Ленина примером организации социалистического хозяйства были банки, почта, тресты, железные дороги и иные крупные капиталистические предприятия. По его мнению, при социализме «все общество будет одной конторой и одной фабрикой» [2, с. 101].

Попытки реализовать на практике утопический проект радикального переустройства общества были невозможны без наделения власти диктаторскими полномочиями. Считалось, что лишь на основе диктатуры пролетариата можно осуществить революционное ниспровержение старого строя и обеспечить построение нового общества. Вместе с тем большевики питали иллюзии, что механизмы диктатуры пролетариата позволят привлечь к управлению государством широкие трудящиеся массы. Так, например, В. И. Ленин неоднократно замечал, что социалистическое государство будет по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих) и по-новому диктаторским (против буржуазии). Признавая важность демократических институтов для активизации политической активности масс, он, одновременно, отвергал такие принципы либеральной демократии, как парламентаризм, конституционализм, приоритет личных прав и свобод граждан, разделение властей, господство права и др. «Величайшей нелепостью было бы думать, – пишет В. И. Ленин, – что самая глубокая революция в истории человечества... может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии..., без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т.д.» [3, с. 498, 499]. Особые надежды вождь возлагал на Советы, которые он рассматривал как органы подлинного народовластия. Очень скоро стало ясно, что полноценное участие масс в управлении государством невозможно по причине их неграмотности, управленческой некомпетентности и склонности к митинговой демократии. В подобных условиях ведущую роль в Советах стали играть исполкомы и президиумы исполкомов, работники которых не избирались, а назначались правящей партией. В результате В. И. Ленин был вынужден отказаться от своих утопических представлений о возможности привлечения широких масс к управлению государством. «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? – риторически вопрошал он. – Практические люди знают, что это сказки» [4, с. 253]. В результате им был выдвинут новый тезис: Советы – это органы власти не через трудящихся, а для трудящихся.

На протяжении 20-х гг. Советы утратили остатки самостоятельности. Партийные комитеты систематически вмешивались в их работу, определяя персональный состав Советов (их исполкомы обычно состояли из большевиков), принимаемые решения и используемые регламенты. Постоянно осуществлялась ротация кадров между партийным и государственным аппаратом, особенно в его высших звеньях. В конечном счете это привело к сращиванию аппаратов государства и партии. Одним из условий приема на государственную службу и важнейшей предпосылкой карьеры стало членство в коммунистической партии.

Подобно своим духовным наставникам К. Марксу и Ф. Энгельсу, большевики отвергали принцип разделения властей, который они считали буржуазной выдумкой, лишь отвлекающей пролетариат от его истинных целей. Прообразом будущего пролетарского государства они считали Парижскую Коммуну, которую К. Маркс характеризовал в качестве «работающей корпорации в одно и то же время законодательствующей и исполняющей законы» [5, с. 342].

Отсюда не случайно, что Советы воспроизвели политические механизмы Коммуны. В лице своих высших органов (сначала съездов Советов, а с 1936 г. Верховных Советов республиканского и общесоюзного уровня) они имели возможность не только издавать законы, но и решать любые управленческие вопросы. Одновременно советское правительство (сначала Совнарком, а с 1946 г. Совет Министров), как исполнительно-распорядительный орган власти, могло издавать декреты, имеющие силу закона. Законами становились и решения партийных органов. А в годы «развитого социализма» законами стали совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров. Считалось, что они имеют даже «большую юридическую силу, чем закон, так как подкреплены авторитетом партии, мудрость которой не может подвергаться сомнению» [6, с. 162]. В подобных условиях разные виды власти (законодательная, судебная и исполнительная) являлись таковыми лишь по названию. На деле же они концентрировались в руках одной партии, сфера компетенции которой не фиксировалась ни в одном законе. Фактически все входило в ее ведение, но юридически она ни за что не отвечала. Тем самым большевики возродили принцип единства и неделимости государственной власти, существовавший в самодержавной России.

Возникшее внеправовым путем Советское государство не просто унаследовало характерное для царской России пренебрежение к закону, но и довело эту ситуацию до абсурда. Абсолютизация классовых компонентов права привела большевиков к игнорированию его общечеловеческих начал и породила представление о нем как о возведенной в закон воле господствующего класса. Отвергнув «узкий горизонт буржуазного права», большевики объявили, что диктатура пролетариата создает свое собственное «пролетарское» право. При этом оно рассматривалось лишь как простой инструмент пролетарского государства, подчиненный решению политических задач. В. И. Ленин отмечал, что «плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона» [7, с. 504]. Стремление вести революционную борьбу, не нарушая законы, он называл «социальным уродством» и «идеологией мещанства» [8, с. 385]. Умаление роли права породило и недооценку судебной власти, в результате чего были отвергнуты принципы независимости и беспристрастности суда, презумпция невиновности и иные формальные процедуры судебного процесса. Судопроизводство осуществлялось не только судами, но и исполнительными органами: всякого рода «тройками», «особыми совещаниями» и пр. В результате на новом витке исторического развития был возрожден принцип синкретизма властных полномочий, при котором судопроизводство являлось лишь одной из функций органов власти и управления.

Первоначально большевистскому руководству было присуще негативное отношение к бюрократии, которая воспринималась им как составная часть буржуазного аппарата (наряду с армией и полицией). Характеризуя дореволюционную российскую бюрократию, В. И. Ленин обращал внимание лишь на ее дисфункциональные качества: привилегированное положение, погоня за теплыми должностями, чиновничество, коррумпированность, паразитизм, формализм и т.п. По мнению большевиков, бюрократия как порождение частнособственнических отношений и классово-эксплуататорского государства носит исторически преходящий характер. Считалось, что с упразднением частной собственности и буржуазного государства пролетариат упразднит и бюрократию. По мысли В. И. Ленина, функцию управления будет осуществлять не бюрократия, а «поголовно вооруженный народ». «Рабочие, завоевав политическую власть, – пишет он накануне Октябрьской революции, – разобьют старый бюрократический аппарат..., заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *н р о т и в* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разработанные К. Марксом и Ф. Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы потому *никто* не мог стать «бюрократом»» [2, с. 109]. Он полагал, что «при социализме *в с е* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял» [2, с. 116]. Подобные идеи, чисто утопические идеи, принижали значение квалифицированного управленческого труда, отвергали

необходимость профессиональной подготовки, устанавливали безусловный приоритет классового происхождения над теоретическими знаниями и практическими навыками, что в дальнейшем негативно отразилось на качестве советской бюрократии.

С завоеванием политической власти большевики предприняли ряд мер по разрушению старого государственного аппарата. Уже в ноябре 1917 г. был принят «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов», который по существу ликвидировал прежнее дореволюционное чиновничество. С его принятием были упразднены все юридические акты, регламентирующие досоветскую государственную службу, в том числе Табель о рангах, Устав о службе гражданской и др. В результате деятельность чиновников лишилась всякого правового регулирования. Однако очень скоро жизнь показала, что альтернативы бюрократическому управлению в России практически не существует: трудящиеся массы оказались в той же самой степени не готовы к управлению страной, в какой сама она не была готова к введению социализма. А потому большевики оказались вынуждены вступить на путь создания новых бюрократических структур, которые не могли не унаследовать кадровый персонал и принципы организации прежней системы управления. Как отмечали Т. П. Коржихина и А. С. Сенин, «использование некоторых частей прежнего государственного механизма имело гораздо более широкие масштабы, чем это представлялось большевикам до революции. Использовался не только старый аппарат учета и распределения, связи, путей сообщения и т.п., но и отдельные элементы буржуазного карательного механизма: ряд учреждений военного и военно-морского ведомств старой армии, следственной системы и др.» [9, с. 176].

Иерархия и бюрократическое единообразие, присущие царским министерствам, в дальнейшем были распространены на все органы государственного управления, включая Советы. Постановлением ВЦИК от 23 августа 1922 г. были учреждены единые структуры и штаты для всех наркоматов и местных Советов. В соответствии с ним, в исполкомах Советов устанавливалось строго определенное число отделов, фиксированное количество служащих, порядок их субординации, отчетности и пр. Отделы делились на подотделы и секции. Заведующий отделом мог единолично принимать решения, входящие в компетенцию его отдела. По административной цепочке закреплялся принцип подчинения исполкомов Советов различного уровня: решения вышестоящих исполкомов были обязательны для исполнения нижестоящими. Отраслевые отделы исполкомов должны были подчиняться Совету данной территории и одновременно соответствующему наркомату в центре.

Решение практических задач по организации новой системы управления заставило большевиков отказаться от выборности служащих, их сменяемости и уравнивания в оплате труда с рабочими. Уже в июне 1918 г. постановлением Совнаркома «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» специалистам-управленцам была установлена более высокая заработная плата по сравнению с той, которую получали квалифицированные рабочие. В декабре 1922 г. Совнарком принял «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях», которые содержали отдельные элементы Устава о гражданской службе дореволюционной России. Однако по степени их проработки они не могли идти ни в какое сравнение со старым Уставом. Подобно царскому Уставу, Правила устанавливали некоторые запреты, регулирующие прием на государственную службу, регламентировали вопросы совмещения должностей, отношения с коммерческими предприятиями и пр. Вместе с тем они не затрагивали целый комплекс вопросов, связанных с наймом и увольнением сотрудников, прохождением ими государственной службы, определением их прав и обязанностей, социальными гарантиями и т.п. Принятые первоначально как временные нормы, в дальнейшем они стали постоянными. Помимо них государственная служба в СССР регулировалась также ведомственными актами, законодательством о труде, законами Совета министров и др. В целом же на протяжении всей своей истории советское государство не имело систематизированного законодательства о государственной службе.

В своих предсмертных статьях В. И. Ленин был вынужден признать, что новый госаппарат «только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым

из нашего старого госаппарата» [10, с. 385]. Возрождение бюрократических структур было вызвано, с одной стороны, необходимостью практического решения задачи по организации управления в стране, где нужно было преодолевать хозяйственную разруху, осуществлять экономическую и социальную модернизацию, а с другой – потребностью радикального переустройства всей общественной жизни на коммунистических началах, что требовало установления государственного контроля над всеми сферами общественной жизни. В подобных условиях большевики отказались от идеи «отмирающего государства» и встали на путь создания мощного централизованного государства, опирающегося на постоянный бюрократический аппарат.

И. В. Сталину и его окружению требовалась не рациональная бюрократия веберовского типа, а бюрократия патримониального типа, способная быть лишь послушным исполнителем спускаемых сверху распоряжений. Она должна была демонстрировать не знание формальных правил и самостоятельность в работе, а постоянное самоотречение, политическую преданность и личную верность вождю, приказание которого имели безусловный приоритет над любыми нормами и формальными предписаниями. Требования неукоснительного послушания и исполнительности порождали директивно-приказной стиль управления и военизированный характер государственной службы. Считалось, что партия не просто руководит социалистическим строительством, а ведет напряженную борьбу на всех фронтах (в терминологии И. В. Сталина: «фронт борьбы между пролетариатом и кулачеством», «фронт борьбы между деревенской беднотой и кулачеством», «фронт сельскохозяйственной кооперации», «фронт строительства», «фронт молодежи» и т.п.), широко используя при этом военную стратегию и тактику. Отсюда не случайно, что политическое руководство И. В. Сталин отождествлял с командованием, отдачей приказов и безропотным подчинением. Справедливо считая, что наилучшей школой командования является армия, он рассматривал ее как то место, где рабочие и крестьяне «вырабатывают свои политические взгляды», «учатся и приучаются к политической жизни» [11, с. 204, 205]. Весьма показательно определение, данное им Коммунистической партии: «Партия – это командный состав и штаб пролетариата...» [12, с. 72]. Характеризуя партийную иерархию, он охотно использовал военную лексику: высшие руководители – «партийный генералитет», средние руководители – «партийное офицерство», низший командный состав – «партийное унтер-офицерство». По мнению И. В. Сталина, государственный аппарат должен быть во всем подобен военному. Отсюда его стремление унифицировать и ранжировать всех чиновников по образцу Красной армии, для чего в ряде министерств были введены особые мундиры и знаки отличия (после смерти И. В. Сталина в большинстве из них форма была отменена). Военизированный характер государственной службы лишь усиливал патримониальные свойства советской бюрократии.

Ядром советского государственного аппарата стала партийная номенклатура, явившаяся подобием политической бюрократии. Она обеспечивала согласованность и слаженность в работе государственного аппарата, его нацеленность на решение любых задач, поставленных властью. Наиболее значимыми условиями при отборе в номенклатуру являлись хорошая анкета, преданность партии и строю. Деловые качества, а также профессионализм и образованность работников также учитывались, но в меньшей степени. Социально-психологические последствия такого подхода выявил М. Восленский: «Каждый должен чувствовать, что он занимает место не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, то он легко может быть заменен другим. На этом основывается известный сталинский тезис: «У нас незаменимых людей нет». (...) Этот принцип кадровой политики порождал у счастливых назначенцев не просто покорность воле начальства, но бурное стремление выслужиться, чтобы хоть таким путем стать незаменимыми. При этом выслужиться не значит хорошо работать, а значит хорошо делать то, чего желает назначающее и, соответственно, могущее сместить с поста начальство» [13, с. 212]. Как и бюрократия других стран, советские чиновники получали фиксированные денежные оклады. Однако денежное содержание номенклатурного чиновничества неизменно дополнялось различными привилегиями и натуральными выплатами: спецпайками, бесплатными или льготными путевками в санатории, специальными больницами и поликлиниками, государственными дачами и пр.

После Октябрьской революции характерной чертой новой системы управления стал быстрый рост численности бюрократии. Так, уже за первые три года Советской власти общее количество управленцев возросло почти в пять раз. Перепись населения 1939 г. зафиксировала дальнейший рост их численности: за десять лет аппарат вырос в шесть раз [14, с. 285]. Причина подобного положения вещей – ликвидация механизмов самоорганизации и огосударствление всех сфер общественной жизни. Увеличение числа чиновников было связано и с характером проводимых преобразований. Любое начинание, где бы оно ни происходило, обычно сопровождалось (а часто только этим и ограничивалось) ростом аппарата. С расширением и усложнением сферы управления принимались в основном меры количественного характера: создавались новые органы, увеличивалось число руководящих кадров, расширялись параметры отчетности и пр. В результате в конце 80-х гг. в административной сфере было занято уже почти 18 млн чел.

Происходящие в послесталинский период перемены носили половинчатый характер и не затрагивали основ системы. Обычно они сводились к технико-организационным мерам: упразднялись и вновь создавались министерства, отраслевая организация управления заменялась территориально-совнархозной и снова отраслевой, вводились элементы хозяйственной самостоятельности предприятий при сохранении всесильных министерств. Некоторое смягчение политического режима уменьшило жесткую централизацию власти, что привело к усилению самостоятельности местных властей. «Пока действовала параллельная властвующей иерархии система централизованного устрашения, возможности произвола были сконцентрированы на верхних этажах бюрократической пирамиды. . . , когда эта система рухнула. . . локальные клики, кланы, мафиеподобные организации получили простор для своего распространения» [15, с. 82]. Ослабление контроля «сверху» и отсутствие действенного контроля «снизу» привели к резкому усилению дисфункциональных явлений в работе государственного аппарата, что проявилось в приписках, обмане, протекционизме, взяточничестве и пр.

В 60–70-х гг. усложнившимися экономическими взаимосвязями уже невозможно было эффективно управлять из центра, что породило востребованность товарно-денежных отношений. Однако в условиях административно-командной системы, неспособной реагировать на меняющиеся социально-экономические приоритеты, они приобрели деформированный характер и были вытеснены в сферу «теневой экономики», которая стала питательной основой должностных злоупотреблений. Отсутствие официально признанного экономического рынка компенсировалось наличием «бюрократического рынка» («экономики согласований»), в рамках которого шла бойкая торговля такими ценностями, как власть и подчинение, правила и исключения из них, должности, статусы и пр. Действовал принцип: «ты – мне, я – тебе». «Бюрократический рынок, – пишет В. Найшуль, – сформировал определенный тип управленца – не «солдата партии», как в сталинское время, а «торговца партии», для которого в государственной деятельности. . . ни распоряжения высочайшего «верха», ни обязательные для всех правила, ни законы страны не являются. . . категорическими императивами» [16, с. 50].

В период «застоя» советская бюрократия достигла апогея своей силы и влияния и стала проявлять властные амбиции. В лице партийно-аппаратных структур, сотен министерств и ведомств она монопольно распоряжалась государственной собственностью и навязывала политическому руководству свои решения, не неся за них никакой ответственности. В подобных условиях функции политического управления стали перемещаться в аппаратные структуры, что подтвердило прогноз М. Вебера, согласно которому при социализме «развивается диктатура не рабочего, а чиновника» [17, с. 327]

Несмотря на свое влияние, советская бюрократия вовсе не была единой корпорацией. Между ее звеньями и структурными подразделениями шла постоянная борьба за бюджетные ресурсы, влияние на власть, статусные гарантии и пр. В последующем ее внутренние противоречия, усиливаемые властными амбициями «национальных кадров», стали одной из причин распада Советского Союза.

На рубеже 1970-х – начала 1980-х гг. экономически развитые страны Запада встали на путь перехода к постиндустриальному обществу, что побудило их начать структурную перестройку своей экономики. Что же касается Советского Союза, то его экономика оказалась не способна воспринять новые императивы экономического роста. Обнаружилось его отставание от стран

Запада как в сфере высоких технологий, так и в сфере использования человеческого потенциала. Решение данных задач было невозможно без формирования рыночной экономики и активизации инициативы граждан. Однако начавшиеся в стране реформы не достигли поставленных целей. Во многом это было связано с тем обстоятельством, что советская бюрократия по ряду своих параметров продолжала сохранять многие патримониальные свойства: синкретический характер управления, недооценка роли правовых регуляторов, номенклатурный принцип управления, мелочная регламентация экономики, единство власти и собственности и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ватыль, В. Н. Идеино-символическое пространство политики в системе евразийской интеграции: теоретико-методологический дискурс исследования / В. Н. Ватыль // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития / сост. и ред. Е. А. Достанко. – Минск : Изд-во БГУ, 2015. – С. 9–24.
2. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 33. – С. 1–120.
3. Ленин, В. И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 37. – С. 491–509.
4. Ленин, В. И. II Всероссийский съезд горнорабочих. 25 января – 2 февраля 1921 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 42. – С. 245–261.
5. Маркс, К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества Рабочих / К. Маркс // Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1956 – Т. 17. – С. 320–385.
6. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / под общ. ред. В. В. Журавлёва. – М. : Политиздат, 1990. – 447 с.
7. Ленин, В. И. V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов. 4–10 июля 1918 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 36. – С. 489–517.
8. Ленин, В. И. К истории вопроса о диктатуре / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 41. – С. 369–391.
9. Коржихина, Т. П. История российской государственности / Т. П. Коржихина, А. С. Сенин. – М. : Интерпракс, 1995. – 352 с.
10. Ленин, В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1982. – Т. 45. – С. 383–388.
11. Сталин, И. В. Организационный отчет ЦК ККП(б) XII съезду / И. В. Сталин // Сочинения / И. В. Сталин. – М. : Политиздат, 1953. – Т. 5. – С. 197–222.
12. Сталин, И. В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов. Набросок плана брошюры / И. В. Сталин // Сочинения / И. В. Сталин. – М. : Политиздат, 1953. – Т. 5. – С. 62–87.
13. Восленский, М. Номенклатура. Фрагменты книги / М. Восленский // Новый мир. – 1990. – № 6. – С. 205–230.
14. История государственного управления в России / под общ. ред. Р. Г. Пихои. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 485 с.
15. Гудков, Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнения / Л. Гудков [и др.] // Коммунист. – 1988. – № 12. – С. 73–84.
16. Найшуль, В. Высшая и последняя стадия социализма / В. Найшуль // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / общ. ред. Т. А. Ноткиной. – М. : Прогресс, 1991. – С. 31–62.
17. Вебер, М. Социализм. Речь, произнесенная в Вене перед австрийскими офицерами с целью их общей ориентации (июнь 1918) / М. Вебер // Политические работы (1895–1919) / М. Вебер ; пер. с нем. Б. Скуратова. – М. : Праксис, 2003. – С. 300–342.

Поступила в редакцию 20.06.17.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”

Vol. 9, No. 3, 2017, pp. 124–131

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2017

Soviet bureaucracy as generation of system of irrational political management

S. B. Lugvin

Sukhoi State Technical University of Gomel (Belarus)

Oktyabria Ave., 48, 246746, Gomel, Belarus; e-mail: lugvinsergey@rambler.ru

Abstract. In the introduction it is indicated the object of research – the processes of formation and development of the Soviet bureaucracy. The purpose of the article is an analysis of the institutional genesis of the Soviet bureaucracy in the aspect of revealing its patrimonial qualities. In the domestic literature, this problem has not received a satisfactory solution yet. In the main part of the article it is noted that the processes of formation of the

Soviet bureaucracy were carried out in the context of social engineering, which was based on the mechanistic style of thinking and the technocratic paradigm. Radical transformations of society, undertaken by the Bolsheviks, were accompanied by the establishment of a dictatorship of power, the nationalization of society, the establishment of unity of power and property. It generated the syncretism of state power, the rejection of the principles of liberal democracy, the abolition of the principle of the independence of the court, the establishment of the paramilitary nature of the state service, the predominance of command and command methods of management, etc. Initially, the Bolsheviks, however, relying on Marxist utopian ideas, rejected the bureaucracy. For example, V. I. Lenin believed that the Soviets could involve the broad working masses in the administration of the state. However, later he was forced to admit that it was impossible to solve real problems of radical transformation of public life without bureaucracy. This made them embark on the path of recreating the traditional bureaucratic structure. In the post-Stalin period, the development of the Soviet bureaucracy was characterized by rapid growth in its number, personnel stagnation, preservation of obsolete structures and the growth of the “shadow” economy. In the conclusion it is pointed out that the Soviet bureaucracy, being patrimonial in its essence, could not adequately answer the new challenges of time and implement the post-industrial modernization of the economy. This article is recommended for employees of the state apparatus, researchers, teachers, graduate students and students.

Keywords: unity and indivisibility of state power, nomenclature principle of management, patrimonial character of Soviet bureaucracy.

References

1. Vatyl V. N. Ideological and symbolical space of policy in system of the Euroasian integration: theoretical and methodological discourse of a research [*Ideino-simvolicheskoe prostranstvo politiki v sisteme evraziiskoi integratsii: teoretiko-metodologicheskii diskurs issledovaniia*]. Urgent problems of the international relations and global development [*Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i global'nogo razvitiia*]; comp. and Ed. E. A. Dostanko. Minsk, 2015, pp. 9-24.
2. Lenin V. I. State and revolution [*Gosudarstvo i revoliutsiia*]. Lenin V. I. Complete works [*Polnoe sobranie sochinenii*]. Moscow, 1981, vol. 33, pp. 1-120.
3. Lenin V. I. Theses and report on bourgeois democracy and dictatorship of the proletariat on March 4 [*Tezisy i doklad o burzhuaznoi demokratii i diktature proletariata 4 marta*]. Lenin V. I. Complete works [*Polnoe sobranie sochinenii*]. Moscow, 1981, vol. 37, pp. 491-509.
4. Lenin V. I. II All-Russian congress of miners. January 25 - February 2, 1921 [*II Vserossiiskii s"ezd gornorabochikh. 25 ianvaria - 2 fevralia 1921 g.*]. Lenin V. I. Complete works [*Polnoe sobranie sochinenii*]. Moscow, 1970, vol. 42, pp. 245-261.
5. Marx K. Civil war in France. Appeal of general council of the International Association of Workers [*Grazhdanskaia voina vo Frantsii. Vozzvanie general'nogo Soveta Mezhdunarodnogo Tovarishchestva Rabochikh*]. Marx K., Engels F. Compositions [*Sochineniia : v 39 t.*]. 2nd ed. Moscow, 1956, vol. 17, pp. 320-385.
6. On a crisis threshold: increase of developments of stagnation in party and society [*Na poroge krizisa: narastanie zastoinykh iavlenii v partii i obshchestve*]; Ed. V. V. Zhuravlev. Moscow, 1990, 447 p.
7. Lenin V. I. V All-Russian congress of Councils of working, country, soldier's and Red Army deputies. July 4-10, 1918 [*V Vserossiiskii s"ezd Sovetov rabochikh, krest'ianskikh, soldatskikh i krasnoarmeiskikh deputatov. 4-10 iulia 1918 g.*]. Lenin V. I. Complete works [*Polnoe sobranie sochinenii*]. Moscow, 1981, vol. 36, pp. 489-517.
8. Lenin V. I. To the historical background about dictatorship [*K istorii voprosa o diktature*]. Lenin V. I. Complete works [*Polnoe sobranie sochinenii*]. Moscow, 1981, vol. 41, pp. 369-391.
9. Korzhikhina T. P., Senin A. S. History of the Russian statehood [*Istoriia rossiiskoi gosudarstvennosti*]. Moscow, 1995, 352 p.
10. Lenin V. I. How to us to reorganize Rabkrin [*Kak nam reorganizovat' Rabkrin*]. Lenin V. I. Complete works [*Polnoe sobranie sochinenii*]. Moscow, 1982, vol. 45, pp. 383-388.
11. Stalin I. V. Organizational report of the Central Committee of CCP(b) to the 12th congress [*Organizatsionnyi otchet TsK KKP(b) XII s"ezdu*]. Stalin I. V. Compositions [*Sochineniia*]. Moscow, 1953, vol. 5, pp. 197-222.
12. Stalin I. V. About the political strategy and tactics of the Russian communists. Sketch of the plan of brochure [*O politicheskoi strategii i taktike russkikh kommunistov. Nabrosok plana broshyury*]. Stalin I. V. Compositions [*Sochineniia*]. Moscow, 1953, vol. 5, pp. 62-87.
13. Voslenski M. Nomenclature. Book fragments [*Nomenklatura. Fragmenty knigi*]. *New world*, 1990, No. 6, pp. 205-230.
14. History of public administration in Russia [*Istoriia gosudarstvennogo upravleniia v Rossii*]; Ed. R. G. Pikhoi. Moscow, 2002, 485 p.
15. Gudkov L. [et al.]. Bureaucratism and bureaucracy: need of specification [*Biurokratizm i biurokratiia: neobkhodimost' utochneniia*]. *Communist*, 1988, No. 12, pp. 73-84.
16. Naishul V. The highest and last stage of socialism [*Vysshaia i posledniaia stadiia sotsializma*]. Immersion to the bog: (Stagnation anatomy) [*Pogruzhenie v triasinu: (Anatomiia zastoia)*]; Ed. T. A. Notkina. Moscow, 1991, pp. 31-62.
17. Weber M. Sotsializm. The speech delivered in Vienna before the Austrian officers for the purpose of their general orientation (June, 1918) [*Sotsializm. Rech', proiznesennaia v Vene pered avstriiskimi ofitserami s tsel'iu ikh obshchei orientatsii (iun' 1918)*]. Weber M. Political works (1895-1919) [*Politicheskie raboty (1895-1919)*]; transl. from germ. B. Skuratov. Moscow, 2003, pp. 300-342.